„МИЛОЕ ОБЩЕСТВО? — ЗАБАВНО!“

Гастроли Московского театра комедии в Брянске

Джона Бойнтона Пристли, крупного английского романиста, драматурга, очеркиста и критика, советские читатели и зрители знают достаточно хорошо. Вот уже почти четверть века прочно держится в репертуаре наших театров пьеса «Опасный поворот», впервые поставленная в Москве в 1938 году. Мы хорошо помним ту доброжелательную по отношению к нашей стране позицию, которую занимал в годы второй мировой войны Дж. Пристли, участвовавший, кстати, добровольцем и в первой мировой войне. Его романы военных и первых послевоенных лет — «Дневной свет в субботу», «Затемнение в Гретли», «Трое в новых костюмах» — были переведены и изданы в нашей стране. В те годы Пристли вписал лучшие страницы в свою биографию. Даже во время самых жестоких бомбардировок Лондона он не покидал, подобно многим, английской столицы. Каждый день по утрам звучал по радио его ясный и твердый голос, звавший соотечественников к стойкости и бесстрашию...

Но позже этот типичный представитель лейбористского реформизма не смог устоять перед натиском мутных волн антисоветской пропаганды и сам включился в «холодную войну». Он отказался подписать Стокгольмское воззвание в защиту мира. Он принял участие в создании печально знаменитого своей оголтелой антикоммунистической направленностью номера американского журнала «Кольерс»... Талантливый писатель оказался рабом своих консервативных представлений, он не смог вырваться из заколдованного круга буржуазной ограниченности. Впрочем, от него и ждать этого было бы странно. Хорошо хоть то, что в некоторых вещах он все-таки способен разобраться. Так, в последние годы Пристли выступил против гонки атомного и водородного оружия, став одним из организаторов и участников Европейского конгресса за ядерное разоружение.

Дж. Пристли, близкий традициям английской классической литературы, всю свою творческую жизнь довольно твердо стоял на позициях критического реализма. Ему не нравится то общество, в котором он живет, и он его критикует, порой очень зло и ядовито. Правда, писатель не знает, как можно переделать это общество, не предлагает решений, не ставит социальных проблем, зло старается уравновесить добром, крайности примирить. Но так или иначе, ему удается нарисовать во многих произведениях настолько точную картину упадка, разложения буржуазного общества, что сам собой напрашивается вывод о его неизбежной гибели.

У Пристли-драматурга, стойкого приверженца «комедии характеров», есть излюбленный прием. Многие свои пьесы он строит на внутреннем конфликте между тем, чем человек старается казаться, и тем, чем он является на самом деле. Этим он и достигает комического эффекта, ибо сущность комического, как утверждал Н. Г. Чернышевский,—это внутренняя пустота и ничтожность, прикрывающаяся внешностью, имеющею притязания на содержание и реальное значение.

В этом отношении характерна одна из лучших пьес Пристли «Опасный поворот», поставленная Московским театром комедии, гастролирующим в нашем городе.

Поначалу кажется, что ничего особенного в этой респектабельной компании близких и родных людей произойти не может. Женщины милы и оживленны, мужчины веселы и безукоризненно вежливы. Все дышит чинным спокойствием и благополучием в этой прекрасно обставленной гостиной загородного коттеджа. Со всей этой упорядоченной обстановкой как-то даже странно контрастирует крутой поворот дороги, видный из окна. Кривые пути и линии тут вроде бы не уместны.

Но что это? Когда одна из присутствующих модная писательница Мод Мокридж вскользь бросает, что ей очень нравится бывать в этом милом обществе, хозяйка очаровательного особняка Фреда переспрашивает: «Милое общество? — и, словно про себя, добавляет:—Забавно!» Ей, видимо, известно нечто такое, что пока скрыто от зрителей.

Кончилась телевизионная передача. Собравшиеся оживленно обсуждают вопрос, почему она так странно называется: «Не будите спящую собаку». Кто-то высказывает предположение, что спящая собака символизирует то ли истину, которую лучше не знать, то ли совесть, которой лучше не просыпаться...

Во время наступившей паузы кто-то, с грустью вздохнув, произносит: «Как жаль, что нет с нами Мартина!» Мартин — это брат и бывший компаньон хозяина дома Роберта Кэплена, покончивший жизнь самоубийством. О нем отзываются очень хорошо. С любовью говорит о нем Роберт. Грустит о его смерти Фреда, жена Роберта. Перед ним буквально преклоняется молодой брат Фреды Гордон Уйатхауз. Всех их удивляет и огорчает только одно: как мог такой замечательный человек похитить чек на крупную сумму, как мог он застрелиться... Только почему-то отмалчиваются, слушая восторженные похвалы Мартину, причем отмалчиваются с некоторым замаскированным скептицизмом, один из компаньонов хозяина дома Стэнтон и приятельница Фреды Олуэн Пилл. Что-то, видимо, им известно...

Очень трудно играть в таких пьесах артистам. Тут все решают полунамек, короткий взгляд, прерванный жест, подавленный порыв. Нужно сказать, что театр успешно справился со своей задачей. Спектакль получился цельный, законченный. Это произошло в значительной мере потому, что постановщик главный режиссер театра Я. М. Кракопольский с большим тактом, в строгой убедительной манере решил многие трудные сцены.

Так что же известно Стэнтону и Олуэн Пилл?

Хозяйка дома выносит гостям шкатулку с сигарами. Эта шкатулка с музыкальным секретом. Когда ее открывают, звучит редкая мелодия. Услышав ее, Олуэн вздрагивает. «Это шкатулка Мартина? — спрашивает она.—Я ее видела у него». Фреда живо к ней оборачивается: Олуэн не могла ее видеть. Эту шкатулку Фреда подарила Мартину, любителю всяческих древностей, после обеда в тот день, когда он застрелился. Так что увидеть ее Олуэн могла только в том случае, если была у Мартина позже, вечером, то есть буквально за несколько минут до его смерти...

Теперь настает очередь удивляться Роберту. Почему же он до сих пор не знал об этих посещениях, почему и Фреда и Олуэн умолчали о них, когда шло следствие? Он твердо решает докопаться до истины, «разбудить спящую собаку». Так шкатулка, которую впоследствии персонажи пьесы иначе и не называют, как «шкатулкой откровений», становится первым звеном в длинной цепочке взаимных разоблачений.

С этого момента клубок стремительно распутывается. Пьесу пересказать невозможно. Пристли — отличный стилист, речь его героев изобилует тонкими, остроумными репликами, она пронизана изящным английским юмором, плавная беседа вдруг прерывается чуть ли не истерическими вскриками. На глазах у потрясенных зрителей спадают респектабельные одеяния, наигранные на мерзкие страсти, на пустые души, на подлые помыслы. Открывается омерзительная картина гниения и разложения этого «милого» буржуазного общества. Ведь это почтенное семейство, эта компания друзей и родных — ячейка, клеточка общества, а целому присущи те же пороки, что и любой его части.

Постепенно выясняется, что хваленый Мартин — это похотливый циник, глубоко равнодушный ко всему на свете, кроме своих низменных желаний. Что Фреда, эта добропорядочная супруга добропорядочного дельца, была любовницей Мартина. Что брат ее, молодой, с аристократическими манерами Гордон, состоял в преступной, противоестественной связи с Мартином, и эти, казалось бы, любящие друг друга брат и сестрица всегда готовы были из-за ревности к Мартину перерезать друг другу горло. Что милая Бетти, «маленький ребенок» Бетти, жена Гордона, лишенная мужской ласки из-за его извращенных влечений, стала любовницей грубого и грязного Стэнтона. Что денежный чек украл не Мартин, а Стэнтон и ничуть в этом не раскаивается. И что, наконец, Мартин, конечно же, не застрелился, потому что такой человек на такое не способен, а был убит Олуэн Пилл, когда пытался ее изнасиловать, угрожая револьвером...

Вот какую истину о мире, в котором он живет, узнал Роберт Кэплен!

Занятые в этом спектакле артисты играют с большим подъемом. Обращает на себя внимание заслуженная артистка Узбекской ССР Е. Гущина. Ее Олуэн Пилл, которой отведено такое значительное в развитии действия место, подкупает естественностью поведения и искренностью. С большой силой она проводит сцену признания в убийстве. Тут надо сказать, что эта пьеса необычна по своей композиции. Каждый следующий акт в ней начинается с того момента, с тех же слов, какими кончается предыдущий. Так, перед закрытием занавеса во втором акте Олуэн объясняет, что Мартин не застрелился. С этой же напряженной сцены начинается и третий акт. Актриса стоит в той же позе, с той же интонацией повторяет эту фразу и признается, что это она убила Мартина. С большим мастерством проводит Е. Гущина свою трудную роль.

В высшей степени убедителен Стэнтон в исполнении Л. Недовича, хорошо передан самодовольный цинизм этого клерка, выбившегося «в люди». М. Барабейчик отлично передает какую-то затаенную грусть словно бы отрешенного от мира сего Гордона. Он по-настоящему оживляется лишь тогда, когда вспоминает о Мартине. Впечатляюща Бетти, роль которой поручена Д. Солдатовой. Это только кажется она наивной, не очень глубокой девушкой. Но присмотритесь к ней, когда ей кажется, что на нее не смотрят. Какая боль в ее лице, как трагически блестят ее глаза! Вообще надо сказать, что на работе каждого участника спектакля лежит печать вдумчивости и увлеченности. Хорошо передают Г. Гонтарь иронизм и опустошенность своей Фреды, А. Ремизова — ленивую самовлюбленность Мод Мокридж.

Что касается исполнения Е. Тархановым роли Роберта Кэплена, то с ним хочется поспорить. Думается, он слишком доверился автору пьесы. Кто же такой Роберт? Верный своему стремлению зло уравновесить добром, Пристли в его образе решил воплотить положительное начало, сделать его носителем высокой морали. Но может ли он быть им для нас? Роберт кажется себе хорошим и правым. Таким же кажется он и автору. Но так ли это? Почему это он до сих пор не разобрался в окружавших его людях, даже не попытался что-то предпринять для того, чтобы изменить их? Он ведь и сейчас, все узнав, ничего не собирается делать. Он способен только застрелиться, в душе пожалев, что разбудил «спящую собаку». Он смешон и жалок, более того — он вреден, ибо все злое в этом мире творится с молчаливого благословения именно таких, уверовавших в свою непогрешимость людей. И исполнителю этой роли, видимо, смелее нужно вступать в полемику с драматургом, за него договорить то, что недоговорено.

Любопытной сценой заканчивается спектакль. Все снова, как в начале: те же позы, те же люди, та же передача по телевизору, те же реплики. Все то же до момента, когда надо открывать шкатулку. Но Гордон останавливает движение руки Фреды и предлагает включить музыку, потанцевать. С ним соглашаются. Действительно, «спящую собаку» лучше не будить! А то мало ли какой опасный поворот может произойти в судьбе...

Автор словно намекает: всего того, что вы только что видели, возможно, и не было. Но знайте же, что скрывается за этими чопорными и почтенными масками. Не обманывайтесь!

Строго говоря, пьеса Дж. Пристли — вовсе не комедия. Для буржуазного зрителя это очень печальное зрелище. Но нам смешно. Со своим прошлым человечество прощается смеясь. Для нас это осколок безвозвратного прошлого. Хорошо, что Московский театр комедии познакомил нас с этим вынужденным признанием буржуазного драматурга, вольно или невольно подтвердившего неизбежность гибели капиталистического мира.

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ.

Брянский рабочий
г. Брянск
11 ИЮЛ 1961